

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЪЮНКТИВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И. В. ГЁТЕ)

С. А. Никифорова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 17 мая 2015 г.

Аннотация: статья посвящена вопросу функционирования конъюнктива в структуре поэтического текста. Выявлено, что модальное значение позволяет конъюнктиву гармонично входить в структуру поэтического текста, в котором говорящий выступает в качестве организующего начала. В предложениях нереального желания и нереального условия конъюнктив указывает на говорящего, который является субъектом желания и оценки. Установлено, что комбинация, со- и противопоставление разных видов наклонения, а также расположение конъюнктива в стихотворном целом позволяют вносить в него дополнительные смыслы. Нейтральный с точки зрения стилистики конъюнктив в поэтическом тексте начинает выполнять стилистическую функцию.

Ключевые слова: наклонение, конъюнктив, модальность, ирреальность, говорящий, поэтический текст, нереальное желание, нереальное условие.

Abstract: the article is devoted to the problem of the function of subjunctive mood in poetic texts. Modal meaning allows subjunctive mood to become a harmonious part of a poetic text with a speaker as an organizing source. In sentences with unreal wish and unreal condition subjunctive mood points out to the speaker who is the subject of wish and appreciation. It is established that the combination, comparison and opposition of different moods, as well as disposition of sentences with subjunctive mood in poetic texts allow the authors to create new meanings. Stylistically neutral, subjunctive mood fulfills a stylistic function in poetic texts.

Key words: mood, subjunctive mood, modality, irrealis, speaker, poetic text, unreal wish, unreal condition.

В данной статье предметом изучения является конъюнктив, который рассматривается в немецком поэтическом тексте с целью выявления особенностей его функционирования, актуализации категориального значения и реализации стилистического потенциала.

Конъюнктив представляет собой один из трех членов оппозиции глагольного наклонения, которое образует ядро модальности и выражает ее морфолого-синтаксическими средствами. А. В. Бондарко рассматривает модальность как «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности» [1, с. 59]. В семантике наклонения точка зрения говорящего является актуализационным признаком [1].

По мнению А. М. Пешковского, категория наклонения является субъективно-объективной категорией, которая предполагает выражение и отношение говорящего к своей собственной речи [2, с. 88]. В. Г. Адмони относит наклонение к коммуникативно-грамматическим категориям, которые отражают те или иные стороны процесса речевой коммуникации и

позиции (роли) участников речевого процесса [3, с. 67]. Н. М. Агашина считает, что «в области модальных отношений система языка более всего приближается к системе речи» [4, с. 15].

В конъюнктиве модальное значение закреплено в самой морфологической форме. По мнению Г. А. Золотовой, благодаря ирреальному наклонению «говорящий из субъекта констатирующего превращается в субъекта мыслящего, прогнозирующего, высказывающего свое мнение или воздействующего на собеседника посредством слова» [5, с. 165].

Ориентированность на субъект речи позволяет конъюнктиву гармонично входить в структуру поэтического текста, в котором в качестве главного коммуникативного центра выступает говорящий, лирический герой, способствующий семантической организации стихотворения. Как правило, он стоит за формой первого лица единственного числа, а в случае отсутствия личного местоимения обнаруживается благодаря дейктическим элементам, временной форме, а также ситуации восприятия, которая репрезентируется как полноценная, происходящая в момент речи. В поэтическом тексте настоящее актуальное как основная временная форма «в ситуации «я – теперь – здесь – это» представляет собой высшую степень реальности – действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую),

конкретную и очевидную» [1, с. 72]. Лирический герой как субъект речи, восприятия и оценки выступает в качестве организующего начала и является объектом притяжения субъективных элементов, структурирующих поэтический текст.

Субъективный характер позволяет конъюнктиву функционировать в структуре всего поэтического текста, представляющего собой речь лирического героя. Эта особенность отличает его от специфики функционирования в прозаическом тексте, в котором употребление конъюнктива связано с типом речи. Так, в повествованиях от третьего лица конъюнктив входит в несобственно-прямую речь или внутренний монолог (диалог) и представляет персонажный план:

„Ich habe mich immer mit Technik interessiert“, sagte Karl, der in einem bestimmten Gedankengang blieb, „und ich wäre sicher später Ingenieur geworden, wenn ich nicht nach Amerika hätte fahren müssen“ [6, с. 58].

Благодаря модальному значению в прозаическом тексте конъюнктив позволяет определить границы между планами повествователя и персонажа. В авторской речи он указывает на переход к плану персонажа, оценивающего сложившуюся ситуацию:

„... jetzt, wo er es (das Hemd) gerade am Beginn seiner Laufbahn nötig haben würde, rein gekleidet aufzutreten, würde er im schmutzigen Hemd erscheinen müssen“ [6, с. 61].

В повествовании от первого лица, как и в поэтическом тексте, конъюнктив употребляется без ограничений во всем текстовом пространстве:

Ich würde ganz gern – warum denn nicht – einen Ausflug mit einer Gesellschaft von lauter Niemand machen. Natürlich ins Gebirge, wohin denn sonst? [6, с. 21].

Анализ языкового материала показал, что в стихотворениях конъюнктив встречается чаще, чем в прозаическом тексте с субъективированной перспективой повествования, и это объясняется задачами поэтического текста, который концентрирует внимание читателя на переживаниях лирического героя, определяющего ситуацию как реальную или ирреальную.

Однако конъюнктив сам по себе не является стилистическим приемом. Как в прозе, так и в поэзии сослагательное наклонение функционирует в рамках грамматических норм. Все же поэтический текст расширяет возможности употребления конъюнктива. По мнению Ю. М. Лотмана, «любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения» [7, с. 47]. Так, нейтральный с точки зрения стилистики конъюнктив в поэтическом тексте начинает выполнять тексто- и стилеобразую-

щие функции. Стилистический потенциал конъюнктива связан с комбинаторными возможностями и особенностями структурирования поэтического текста. Со- и противопоставление разных видов наклонений и их своеобразное расположение в поэтическом тексте могут рассматриваться как стилистические приемы, которые позволяют внести в содержание стихотворения дополнительные смыслы.

И. В. Гёте широко использует эти приемы. Например, в стихотворении „Anliegen“ посредством комбинирования индикатива и конъюнктива он противопоставляет семантику реального значению идеального, что создает оттенки новых значений:

*O schönes Mädchen du,
Du mit dem schwarzen Haar,
Die du ans Fenster trittst,
Auf dem Balkone stehst!
Und stehst du wohl umsonst?
O stündest du für mich
Und zögst die Klinke los,
Wie glücklich wär ich da!
Wie schnell spräng ich hinauf!* [8, с. 190].

В первой части стихотворения употребляется индикатив, позволяющий представить ситуацию, наблюдаемую лирическим героем: он видит прекрасную девушку с черными волосами, стоящую на балконе. Воспринимаемая ситуация представляется как реальная, происходящая «здесь и сейчас», в пространственно-временном континууме наблюдающего. Во второй части вводится конъюнктив, который переносит ситуацию восприятия в ирреальный план. Несмотря на это, для лирического героя она не перестает быть наблюдаемой, хотя речь идет уже о ментальном восприятии. Оппозиция индикатив – конъюнктив способствует созданию контраста между действительным и желаемым, реальным и ирреальным, что позволяет выразить томление рефлексирующего лирического героя.

В немецком языке конъюнктив имеет устойчивые средства выражения. Но в поэтическом тексте они нередко представлены в усеченном виде, например, опускается гласная буква -e, которая является одним из признаков сослагательного наклонения, например, *wär, spräng, zögst, wollt, möcht*. Также для сохранения рифмы и ритма стихотворения в сложных предложениях нередко нарушается порядок слов. Однако это не препятствует пониманию текста и корректной интерпретации ситуации.

Сфера употребления конъюнктива в поэтическом тексте довольно широка. В нем встречаются временные формы как конъюнктива 1 (в косвенной речи и пожеланиях), так и конъюнктива 2 (в предложениях нереального желания, нереального условия и нереального сравнения). В стихотворениях И. В. Гёте чаще

всего употребляются временные формы группы конъюнктив 2, а наиболее употребительной временной формой является претерит, который характеризуется отнесенностью ирреального действия, сравнения, желания или условия к настоящему и будущему. Претерит конъюнктив позволяет представить ситуацию, с одной стороны, как ирреальную, с другой стороны, как возможную быть реализованной [9, S. 525].

В настоящей работе рассматриваются особенности функционирования конъюнктива в предложениях нереального желания и нереального условия, поскольку значения желательности и обусловленности в полной мере находят отражение в стихотворениях И. В. Гёте.

В предложениях нереального желания реализуется оптативное значение. «Оптативное значение выражает желание говорящего, направленное на то, чтобы исполнилось действие, обозначенное в предложении» [10, с. 172]. Существуют определенные способы выражения оптативности, среди которых особую роль играют независимые предложения с формами сослагательного наклонения. Этот морфологический способ выражения модального значения желания наиболее ярко представлен в стихотворении И. В. Гёте „Liebhaber in allen Gestalten“, состоящем из девяти строф, в восьми из которых употребляется конъюнктив для выражения оптативного значения. Рассмотрим в качестве примера одну из строф:

*Ich wollt, ich wär Gold,
Dir immer im Sold;
Und tätst du was kaufen,
Käm ich wieder gelaufen,
Ich wollt, ich wäre Gold,
Dir immer im Sold [8, с. 75].*

В любой оптативной ситуации можно обнаружить такие компоненты, как модальность желания, субъект модальности желания, желаемое действие, субъект желаемого действия [9]. В анализируемом стихотворном отрывке они представлены в полном объеме:

- 1) модальность желания – желание говорящего быть нужным своей возлюбленной;
- 2) субъект модальности желания – лирический герой;
- 3) желаемое действие – быть золотом на подошве возлюбленной, чтобы в любой момент она могла купить все, что пожелает;
- 4) субъект желаемого действия – возлюбленная лирического героя.

Лирический герой хотел бы также предстать перед возлюбленной в других ипостасях: он желает быть рыбой (Fisch), лошастью (Pferd), обезьяной (Affe), овцой (Schaf), а также быть верным (treu), чтобы всегда быть рядом с возлюбленной, и старым

(alt), чтобы ее отказ не мог ранить его сердце. Содержание стихотворения в концентрированном виде определено в самом названии „Liebhaber in allen Gestalten“ («Возлюбленный во всех образах»). Повтор первых двух строк в каждой строфе подчеркивает лиричность стихотворения и силу желания лирического героя.

В последней строфе употребляются изъявительное и повелительное наклонения, которые контрастируют с сослагательным наклонением, употребляемым в предыдущих строфах:

*Doch bin ich wie ich bin,
Und nimm mich nur hin!
Wills du beßre besitzen,
So laß dir sie schnützen [8, с. 75].*

С помощью индикатива происходит констатация реального факта: лирический герой такой, какой он есть, и возлюбленная либо принимает его, либо ищет тех, кто лучше него. Кроме того, противительный союз *doch* проводит грань между ирреальным и реальным планами. Повтор в последних строках усиливает эмоциональность стихотворения, и окончательно ставит точку в этом противостоянии: реальность сильнее, чем желание.

И. В. Гёте редко прибегает к фигурам речи. Он употребляет нейтральные формы и структуры, которые в текстовом окружении раскрывают свои стилистические возможности. Как уже отмечалось, конъюнктив используется в характерном для данного наклонения категориальном значении, но при определенном его расположении в структуре текста даже в индикативном контексте начинает доминировать семантика ирреальности, как, например, в стихотворении „Mädchenwünsche“:

*O fände für mich
Ein Bräutigam sich?
Wie schön ist 's nicht da! ...
Da braucht man zum Nähen
Zur Schule nicht zu gehen;
Da kann man befehlen,
Hat Mägde, darf schmälern ... [8, с. 348].*

В первых двух строках стихотворения употребляется бессоюзное предложение со значением ирреального желания. Сослагательное наклонение в сильной позиции определяет ситуацию в целом как оптативную. В последующих строках вводится изъявительное наклонение, хотя ирреальное значение сохраняется на всем протяжении поэтического текста. Индикатив позволяет представить ситуацию как реальную, чтобы подчеркнуть силу желаний юной девушки, которая, вместо того чтобы посещать школу шитья, охотно отдавала бы приказы служанкам и ходила бы на балы. Благодаря такому приему, как

комбинация конъюнктива и индикатива, ирреальное начинает восприниматься как реальное. Также название стихотворения («Желания девушки») позволяет определить оптативный характер ситуации.

В приведенном примере настоящее актуальное позволяет «приглушить» значение ирреальности, выраженное претеритом конъюнктивом, и представить ситуацию как непосредственно наблюдаемую и переживаемую. Благодаря замене конъюнктива презенсом индикативом происходит усиление эмоциональности стихотворения.

В стихотворениях И. В. Гёте значительно реже употребляется плюсквамперфект конъюнктив, для которого характерны отнесенность к прошлому и значение невозможности реализации действия, осуществления желания и выполнения условия. Он вносит в поэтический текст ретроспективный характер, что не соотносится с задачами лирического стихотворения, в котором настоящее актуальное позволяет имитировать полноценную коммуникацию. В оптативной ситуации плюсквамперфект конъюнктив указывает на неосуществившееся желание и выражает сожаление лирического героя по поводу не реализовавшегося действия в прошлом. Это можно наблюдать в стихотворении И. В. Гёте „Einschränkung“:

*Und ach, ich fühle, nah und fern
Ist mir noch manches zubereitet.
O wäre doch das rechte Maß getroffen!
Was bleibt mir nun, als eingehüllt,
Von holder Lebenskraft erfüllt,*

In stiller Gegenwart die Zukunft zu erhoffen [8, с. 313].

Бессоюзное предложение ирреального желания с плюсквамперфектом конъюнктивом, занимающее в тексте центральное положение, употребляется в сочетании с актуальным настоящим временем и делит стихотворение на два смысловых отрезка. С одной стороны, лирический герой ждет подарка судьбы, с другой стороны, он сожалеет о том, что ни в чем не знал меры, поэтому теперь ему остается только ждать ее благосклонности. Изменение метра и ритма в предложении нереального желания, контрастирующем с первой частью стихотворения, позволяет подчеркнуть высокую степень сожаления лирического героя о растраченной молодости. Предложение нереального желания нарушает размеренное рассуждение лирического героя о безмятежном будущем.

Особое место среди форм, выражающих оптативное желание, занимает „möchte“. Ее можно рассматривать как контекстно-обусловленную единицу, поскольку в зависимости от контекста ее

значение приближается то к конъюнктиву, то к индикативу.

В стихотворении „Sehnsucht“ форма *möcht(e)* выражает нереальное желание и выполняет свою непосредственную функцию:

*Was zieht mir das Herz so? ...
Da **möcht** ich hinüber,
Da **möcht** ich wohl hin!* [8, с. 111].

В данном отрывке форма *möcht(e)* выражает желание лирического героя уйти прочь из дома и оказаться рядом с возлюбленной в виде птицы (*ein singender Vogel*), чтобы петь для нее (*Er singet so lieblich / Und singt es an mich*), или появиться над ней в виде звезды (*ein blinkender Stern*), чтобы гореть для нее (*Was glänzt da droben, / So nah und so fern?*), а затем упасть к ее ногам (*Ich lieg dir zu Füßen, / Da bin ich beglückt*). Желания лирического героя неосуществимы: человек не может превратиться ни в птицу, ни в звезду. Однако никто не может заставить влюбленного не желать этого, сила его желания велика – *ich möcht(e)*.

На протяжении практически всего стихотворения употребляется индикатив, хотя речь идет о нереальном желании. Только форма конъюнктива *möcht(e)* в первой строфе позволяет идентифицировать ирреальную оптативную ситуацию. В стихотворении значения *möchte* и *wollen* (хотеть) не синонимичны, и их замена невозможна без потери основного смысла. Форма *möchte* в полной мере реализует свою ирреальную семантику, позволяя сохранить признаки лирического стихотворения и не превратить его в повествование о чем-то фантастическом.

Однако глагол *möchte* может находиться на периферии поля оптативности в индикативе и в вежливой форме выражать желание говорящего сделать что-либо:

*So **möcht** ich selbst in künstlichen Sonetten,
In sprachgewandter Maße kühnem Stolze,
Das Beste, was Gefühl mir gäbe, reimen* [8, с. 336].

В отрывке из стихотворения „Das Sonett“ ирреальное значение *möcht(e)* ослаблено контекстом. Значение желательности близко семантике глагола *wollen* (хотеть) в форме индикатива. Говорящий выражает желание выполнить задуманное: сочинить прекрасные сонеты, которые позволят выразить лучшие чувства.

Кроме оптативного значения, конъюнктив выражает значение обусловленности. Оно представлено в сложных предложениях с придаточным нереального условия:

1) с союзом („Christel“):

*Wenn ich die Nacht auch bei ihr wär,
Davor wär mir nicht bang* [8, с. 69];

2) без союза („Stoßseufzer“):

*Wär weniger Dumpfheit, vergebenes Sehnen,
Ich könnte viel glücklicher sein* [8, с. 339].

В придаточном предложении выражается условие, в главном – значение обусловленности. Ирреальное условие воспринимается как реализуемое, если в предложении употребляется претерит конъюнктив, и как не реализуемое, если используется плюсквамперфект конъюнктив. Следует отметить, что даже в предложениях нереального условия обнаруживается оптативное значение. Однако желания лирического героя выполнимы лишь при соблюдении определенных условий.

Иногда конъюнктив выступает в качестве средства аргументирования. Отталкиваясь от обратного, лирический герой убеждает своего внутреннего и внешнего собеседника в справедливости существующего положения дел:

*Hätte Gott mich anders gewollt,
So hätt er mich anders gebaut* [8, с. 424].

Это отрывок из стихотворения „Die zahmen Xenien“, из которого следует очевидный вывод о том, что лирический герой не желает меняться. Он принимает себя и свой образ, поскольку угоден богу именно в таком виде. Если бы бог хотел, чтобы человек был другим, он сделал бы его другим. За ирреальным значением стоит отношение лирического героя к реальной действительности. Это его ответ тем, кто пытается его изменить.

В стихотворениях И. В. Гёте конъюнктив играет значительную роль, поскольку он позволяет передавать саморефлексию лирического героя („Die zahmen Xenien“):

*Wär nicht das Auge sonnenhaft,
Die Sonne könnt es nie erblicken;
Läg nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt uns Göttliches entzücken?* [8, с. 429].

В этом стихотворном отрывке представлена адресованная речь, диалог говорящего с собой. Конъюнктив в сложных предложениях нереального условия употребляется как средство убеждения. Через представление ирреального лирический герой аргументирует свое мнение и подводит собеседника к определенному выводу: в самом человеке есть то, что позволяет ему видеть солнце и восхищаться божественным.

Таким образом, довольно широкое употребление конъюнктива в поэтическом тексте объясняется его категориальным значением, с одной стороны, и жанровыми особенностями поэзии, с другой. В формах конъюнктива четко прослеживается позиция говорящего, который оценивает действительность с точки зрения реальности/ирреальности.

Основное свойство поэзии – субъективность и эгоцентризм, а лирический герой выступает в качестве главного коммуникативного центра, способствующего семантической организации поэтического текста. В поэтическом тексте, который является примером художественной коммуникации и характеризуется диалогичностью, модальное значение позволяет конъюнктиву как явлению языка приблизиться к системе речи.

С точки зрения стилистики конъюнктив как морфолого-синтаксический способ выражения модальности – это нейтральное языковое явление. Однако в поэтическом тексте он способен раскрыть стилистический потенциал благодаря особенностям структурирования текста, со- и противопоставлению разных типов наклонения, замене одного типа наклонения другим и т.д. Подобные приемы позволяют усилить эмоциональность стихотворения, подчеркнуть его лиричность и внести в него дополнительные смыслы.

В стихотворениях И. В. Гёте конъюнктив занимает значимое место и выступает в качестве тексто- и смыслообразующего компонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Модальность в системе категориальных единств / А. В. Бондарко // Модальность в языке и речи : новые подходы к изучению : сб. науч. трудов. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 21–34.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский ; предисл. А. Б. Шапиро. – 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
3. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1988. – 239 с.
4. Агашина Н. М. Ирреальная модальность : функционально-прагматический и переводческий аспекты / Н. М. Агашина. – Ставрополь : Параграф, 2010. – 175 с.
5. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
6. Kafka F. Ein Landarzt und andere Drucke zu Lebzeiten. – Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag GmbH, 2008. – 373 S.

7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1996. – 846 с.

8. *Goethe J. W. Gesammelte Gedichte.* – Czech Republic : Edition Lempertz Gmb, 2006. – 635 S.

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

*Никифорова С. А., кандидат филологических наук,
доцент департамента иностранных языков Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук*

E-mail: sanikiforova@hse.ru

Тел.: 8 (812) 300-83-49

9. *Duden. Die Grammatik.* – Band 4. – Mannheim : Dudenverlag, 2006. – 1343 S.

10. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1990. – 264 с.

National Research University «Higher School of Economics»

Nikiforova S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the St.-Petersburg School of Social Sciences and Humanities

E-mail: sanikiforova@hse.ru

Tel.: 8 (812) 300-83-49